

Валерий ШАРАПОВ

**Золотое
пепелище**

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.
Ш25 Золотое пепелище / Валерий Шарапов. —
Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Советская
милиция. Эпоха порядка).

ISBN 978-5-04-205618-5

Шестидесятые годы. В подмосковном поселке сгорела дача семьи Каяшевых. Следственная группа во главе с лейтенантом Александром Чередниковым находит на пепелище обгоревшие трупы хозяйки дачи и ее дочери. Эксперты выясняют, что женщины были сначала задушены, а потом сброшены в подвал. Кто же устроил такую жестокую расправу? Лейтенанту Чередникову удается выяснить, что пожар в поселке — это только маскировка настоящего преступления. А свое начало трагедия семьи Каяшевых берет в голодную зиму блокадного Ленинграда...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-205618-5

© Шарапов В., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ЧАСТЬ I

В эту ночь было особенно тошно. Сначала душно, потом комарья налетело, хоть руками разгребай, далее выползла наглая луна и принялась светить так, что видно было сквозь закрытые веки. Потом пара каких-то негодяев, точнее, негодяй с негодяйкой, отправилась поплавать под луной на чем-то не менее галеры с батальоном рабов — иначе как объяснить оглушающее шлепанье весел, а когда оно затихало, начинала хихикать дамочка. Вроде и тихо, но до такой степени манерное «хи-хи», что свербело от макушки до пяток, аж ноги сводило. Подлая кошачья тварь дралась и орала на безопасном расстоянии — сапог не добросить.

Когда же милосердный сон сморил-таки, пошла срамота сниться такая, что уши запылали — что же это, мама дорогая?! Стоило уехать из дому, из-под родительской опеки — и подсознание прям как с цепи сорвалось. Особенно одна запомнилась: длинная, гибкая,

как гадюка, с черными блестящими кудрями, змеями свивающимися вокруг головы, и морозными серыми глазами. Повернулась, через голое плечо глянула и голосом сладким, как погибель, взвыла:

— Молок-а-а-а-у! Молок-а-а-а-у, кому молоко-ка-а-а-у!

От неожиданности чуть не до потолка подкинуло на койке, чуть не до облупленного потолка. Приземлился. Проснулся. И качался на панцирной сетке до тех пор, пока не почувствовал, что мутит. Оно, конечно, спасибо, что разбудила, не придется краснеть на мамин вопрос: «Что во сне показывали?» С другой стороны... что ж она так воет?!

Глянул ошалелым глазом на ходики: шесть тридцать утра, мама-мия. Суббота! Спит ли она-то сама? Или рыщет в ночи специально под окнами честных, до недавнего времени сугубо городских людей, к которым на свежем воздухе сон не идет? И, дождавшись, когда они все-таки отключатся, воет именно таким вот голосом.

А по тропинке от незакрывающейся калитки уже шествовала Анна Степановна, местная молочница, для своих — Нюрка-с-трудоднями, дама во всех отношениях монументальная, мечта Коненкова. Вот только голос подкачал: мощный, но такой кислющий, по зубам скрежещущий, что чудно, как это молоко до сих пор по всей округе не свернулось.

Впрочем, молоко, говорят, у нее хорошее, не разбавляет, и сама она хорошая женщина, но что за мерзкая баба! Да еще и эта манера вопить ни свет ни заря, с коленцами, с воем, с волчьим упором на «у»! Эдак недалеко до бытового убийства.

Участковый Чередников, Александр Александрович, двадцать три года, образование — высшее юридическое (ВЮЗИ, к тому же всего с одной тройкой, чем он хотел бы похвастаться, да не перед кем), заставил себя перестать качаться на скрипучей койке и подняться. Поджимая пальцы на студенном полу, добрел до умывальника. Не разлепляя веки, по привычке, вхолостую похватал пальцами в поисках крана. Вспомнил: «Не будет тебе никакого крана, ты не в городе», — и пригорюнился.

Вчера бы еще расквасился, а то бы и с моста бы сиганул. Но, переночевав с бедой, теперь он взял себя в руки и с кротостью отчаяния готов к любой судьбе.

Чертово распределение. Чертова Нинка.

Ее работа, без сомнения. Недаром мама говорила: не пара она тебе, эта дочь прокурора. Да и сама девица неоднократно подчеркивала: уйдешь из адвокатуры — амба нашим встречам. Стало быть, и свадьбе, и надеждам остаться в одном из московских — то есть по-настоящему московских — отделений. На службу под руководством будущего тестя он и не надеялся, и не претендовал. «Тестюшка» постоянно

забывал о том, что он бывший военный прокурор, и, стоило спиртного понюхать огромным пористым носом, травил такие черно-красные жуткие байки, что хоть из-за стола беги. Прошу покорно такого в начальство.

А вот остаться в столице очень хотелось. Сам-то Чередников не без гордости носил паспорт, в котором был штамп: «Ст. Крюково, „Спутник”», и родной наукоград Зеленоград любил, однако работать хотелось бы не на бурном полустанке Тюратаме, а в настоящей Москве, то есть хотя бы в пределах Кольцевой автодороги, если повезет — то внутри Садового... ну хотя бы Бульварного!

Однако какое двоедушие! Со всех сторон с детства слышим поучения: будь бескомпромиссным, принципиальным, иди прямыми путями — и станешь Человеком. А как до дела доходит, то забудь про женитьбу, принципиальный, собирай, человек, вещи и отправляйся на пруд лягушек давить, в дыру, именуемую Морозки. Шестьдесят пять километров от Садового, а от родного Зеленограда — все восемьдесят.

В другое бы время, лет через десять, прожив подольше и поумнев, Чередников бы согласился с тем, что это место по всем статьям золотое. Стародачное, негусто населенное вполне смирным, в основном творческим людом. Как секретарь ректора, змеюка, съязвила: «Как раз подучишься с людьми общий язык находить,

промолчать, когда требуется, да и пообтешешься на природе».

Нашла Буратино.

Не обтесываться его послали, а прямо нос обрезали, вместе с самосознанием. Все последние месяцы учебы он был свято уверен в том, что его, готового молодого следователя, ждут не дождутся, чтобы немедленно приставить к серьезному делу. Саша прямо видел, как в кинохронике, блаженную последовательность: блестящая сдача экзаменов — срывающая оvationи защита на революционную тему «Осмотр места преступления» — торжественное вручение диплома — немедленное заступление на службу в качестве как минимум начальника отдела по борьбе с бандитизмом.

А дальше все будет просто замечательно, начнется новая жизнь, служба на благо обществу с мастерским, моментальным решением самых головолмных задач, разгадкой самых хитроумных замыслов.

Возможно, не сразу. Наверное, не так быстро. Однако все предпосылки-то на месте! Мозги имеются, готовый следователь. Саша даже научился на машинке печатать вслепую, чтобы было все безукоризненно.

Однако старый капитан арбатского отделения, в котором Чередников проходил в последний раз практику, рассудил по-иному. О чем поведал прямо, без обиняков:

— Прости, Шурик. Не потянешь.

От неожиданности Чередников позабыл субординацию:

— Как же так! Сами сказали: как защитишься — приходи.

— И что?

— Я пришел. Я ж на практике у вас работал, что, плохо?

Капитан утешил:

— Хорошо, хорошо работал. И печатаешь неплохо, чистенько, почти без ошибок. Референтом каким или секретаршей взял бы тебя, а вот служить... Видишь ли, дорогой! Арбат у нас район непростой, местами номенклатурный.

— И что?!

— Непростое тут население. С гонором, связями, — напрямую разъяснил капитан, — и темпераментное. Хотел бы я тебя взять, но жалею ж тебя. Через неделю все равно вылетит сапогами вперед, только еще и с волчьей характеристикой. Ну не потянешь ты, Шурик, просто не сдюжишь: молод, опыта, такта недостает. Языком машешь.

— Когда это?! — снова вздыбился Чередников, справедливо полагая себя существом молчаливым и солидным.

— Устроил выволочку старушенции.

— Не выволочку! Внушение! Просто объяснил, что нельзя захламлять общественное пространство! В общем коридоре — соленья, в вентиляционной шахте троицыну травку она

ЗОЛОТОЕ ПЕПЕЛИЩЕ

сушит. Предоставлены отдельные квадратные метры — там и суши!

Однако капитан продолжал:

— ... не выяснив, кто она да что.

— Прописана по указанному адресу...

— Она домработница.

— И что?

— Ничего. Если не знать, чья. В общем, не потянешь, смирись до времени.

— Вы же говорили!..

Капитан и не спорил:

— И говорил я, и соображаешь ты вполне сносно. Только ведь одних мозгов в нашем деле мало, надо притираться, иной раз и прогибаться, проявить, так сказать, гибкость. У тебя всего этого пока нет. Поэтому отправляйся трудиться, куда пошлют — и, поверь мне, тебе ж лучше будет, если куда подальше. Потолкись на земле, лучше где поменьше ответственности, с более простыми людьми поживи, поучись — а там и возвращайся.

Пошутил напоследок:

— Меня заменишь. Маме поклон передавай.

И выпроводил.

* * *

Чтобы остыть и сообразить, что теперь делать, Шурик решил пройти в обратную сторону по Арбату, шагал нарочито медленно, считая брусчатку и пытаясь усмирить клоко-тавшую злость. «Снова-здорово. Начинается

погоня осла за морковкой, говорят: рано тебе, давай попозже, в светлом будущем... безнадега все это. Оно, конечно, от него мало что зависит. Он исключительно от хорошего ко мне отношения. Ничего плохого не имел в виду... но черт тебя дерь!»

У Вахтангова его остановила какая-то блоха мелкая с огромными глазищами и длинной, тощей, исключительно белой шейкой:

— Простите, есть лишний билет на «Турандот»...

— И не стыдно спекулировать? — рыкнул он.

Девушка, покраснев и чуть не плача, принялась оправдываться, что, мол, подружка не пришла, а потом вовсе, покраснев, выпалила:

— Да я бесплатно вас приглашаю!

Шурик смутился и чуть было не спросил, москвичка ли она и не желает ли замуж, но спохватился: это уж совсем свинство с его стороны. Ничего себе, симпатичная особочка. Только вот неясно, что за подружка у нее не пришла — вон, табун таких же пигалиц, роившийся неподалеку, явно наблюдал за ее эволюциями. Наверное, эти из будущих актрис, развязность нарабатывают. Или поспорили. Да ну их, немудрых. Чередников, ухватив девушку за вялую ручку, чмокнул и прорывав: «Благодар-рю, судар-рыня», пошел своей дорогой.

Еще какое-то время он мысленно сучил лапками и надувал щеки, но был вынужден при-

знать: ничего не попишешь, придется скрепя сердце ожидать распределения. К тому времени, как дошел до метро, смирился окончательно. И, смирившись, решительно свернул на Гоголевский, рухнул на скамейку. Принялся далее страдать относительно несправедливостей жизни.

Он ведь не салага, не случайный элемент в системе! Он ведь, Сашка Чередников, честно с первого курса трудится по профилю. Причем не где-то, а в 15-й юридической консультации Московской городской коллегии адвокатов. Пусть в канцелярии, что с того? Это ж какой ценный опыт, у других такого нет (уверяла мама, заталкивая его туда).

И о маме.

Вера Владимировна Чередникова — известный на всю Москву и область замечательный стоматолог-ортопед-золотые руки. Да что столица, к ней и со всего Союза тянутся, с направлениями и без. Ее мосты, как неостроумно пошутил один замминистра, ядерную войну переживут. Вот и прибыл к ней в хозрасчетный кабинет Тот Самый, легенда юридической Москвы, адвокат Беленький Леонид Моисеевич, именно по этому вопросу — поправить мост. Вот пока он млел, рот разинув, и, соответственно, был готов на все, мама Вера Владимировна и поспособствовала любимому сыночку. Или подсуропила?

Узнав об этом, первокурсник Саша сначала обрадовался, потом сник.

Он был свято уверен, что адвокатура — это не его.

С тех самых пор, как Саша узрел свою фамилию в приказе о зачислении в ВЮЗИ, он видел себя при погонах, следователем по особо важным делам; ну если очень сильно не повезет, то, так и быть, в крайнем случае ОБХСС — и никак не меньше.

Шурик был идейный борец с преступностью. С детства играл только за казаков, устраивал наружное наблюдение за «подозрительными» соседями, однажды умудрился Марии Александровне из первого подъезда найти пропавшего терьера.

Все мальчишки и девчонки ныли и прыгали перед кассами кинотеатров, где шли мультики, или под дверями соседей, у которых были теле-чудо-экраны, и сметали с библиотечных полок книжки со сказками. Шурик скандалами, ультиматумами и, напротив, примерным поведением продавливал себе право читать Льва Шейнина, а от мультиков с незамысловатым сюжетом с презрением отворачивался.

И вот на тебе: наконец-то выросши, приходится, по сути, трудиться по ту сторону баррикад, пособляя занудам в позолоченных очках извлекать с заслуженных нар разнообразный, но бесспорно вредный люд. Саша и мысли не допускал о том, что под следствие может по-

пасть невинный, и, напротив, категорически не верил в то, что человек, имеющий хоть какое-то отношение к МУРу, способен ошибаться, не говоря о чем-то ином.

Впрочем, на отвлеченные размышления времени у него было немного: на то, чтобы укротить буйство бумаг, папок, картотек уходили все силы. Работенка — не бей лежачего. Целыми днями, аки мышь канцелярская, копошишься в папках, пробиваешь да сшиваешь бумажки, теряешь каталожные карточки — получаешь по шапке за малейшие, казалось бы, пустяковые огрехи от всех этих злющих, жизнью и молью побитых тетушек. Оказалось попутно, что не так уж «чистенько» печатает Саша. После первых двух работ его согнали с конторского «рейнметалла» и строго-настрога запретили приближаться. На его долю выпадала скорее тяжелая «мужская» работа: закручивать струбцины прессы, плюща пухлые папки, пробивать шилом дырки для сшивания листов, бегать по поручениям, сидеть на телефоне. Причем заведующая канцелярией самолично написала на нескольких бумажках, что кому говорить при каких обстоятельствах.

О том, что где-то кто-то занимается Настоящим Делом, напоминали только телефонogramмы судебных секретарей, оформлявших защиту по назначению, ордера на такую защиту — и сами адвокаты. Многие из них отличались от тех, которых показывали в кино

или описывали — поумнее, попорядочнее, бывалые, многие при орденах, при званиях, научных степенях. Имелись среди них настоящие легенды, как тот же Моисеич, то есть Леонид Моисеевич Беленький, заместитель заведующего. Случайно как-то выяснилось, что этот высокомерный, язвительный щеголь уже адвокатом ушел на фронт (и был исключен президиумом из рядов как злостный прогульщик), а войну завершил майором юстиции и помощником прокурора Берлинского гарнизона. С тростью же он ходил не для выпендрежа, а потому что после тяжелого ранения одна нога была короче другой. Были и другие сотрудники, от которых при желании многому можно было научиться.

Но именно такого желания не было. Было ощущение, что сидишь в тухлом подвале, набитом занудными пауками. В итоге Шурик ляпал и ляпал ошибку за ошибкой даже в самых простых документах.

Тогда тот Самый Беленький ехидничал:

— Александр, вас надо судить за простой механизм в страдную пору.

— Почему? — угрюмо вопрошал Чередников.

— У вас вполне рабочие мозги, и вы ими не пользуетесь.

Это было стандартное начало любой выволочки, будь то неправильно записанная фамилия задержанного, обвиняемого, переданная

гундосой секретаршей, не по ГОСТу оформленная сопроводилка или запрос.

— Запомните: нет ничего важнее для правоведа, чем мелочи, — в тысяча первый раз напоминал Леонид Моисеевич, — таким невнимательным, халатным, полупрозрачным мечтателям не место в адвокатуре.

Шурик, как глупенький щенок, только скалил клычки из темного угла. И все-таки как-то раз, набравшись смелости, заявил:

— А я и не претендую. Я ухожу.

— Куда, позвольте узнать?

— Буду следователем!

Моисеевич не то что поперхнулся, но подавил то ли ругательства, то ли издевательский клеткот.

— А вот и еще один молодой болван в поисках легких путей.

По-быстрому допросив зарвавшегося юнца, он выяснил, что Чередникова вообще-то ни на каком следствии и даже ни в каком отделении не ждут — он лишь собирается на практику. Бельский уточнил, куда именно, и вторично заклекотал. К его чести, попытался и отговорить, правда, в своей манере:

— Александр, подумайте-ка вы еще раз. Так мастерски замазываете свои собственные огрехи — стало быть, осилили бы и чужие.

Однако Чередников был трусливо непреклонен: или угрозыск, или ничего.

Адвокат, пожав плечами, выдал сдержанно-положительную характеристику и пожелал всего доброго.

— Буду рад свидеться, — отметил он, двусмысленно улыбаясь.

Суровые тетки, провожая «мальчика» — как выяснилось, все это время они издевались и придирались с самыми лучшими намерениями, любя, — устроили чаепитие с пирогами и домашней наливкой. Фигурально выражаясь, помахали белыми платочками.

* * *

И пошел Саша, воодушевленный, на практику в то самое арбатское отделение милиции, откуда только что вылетел...

Как он попал туда — ну да, да, снова мама пособила.

Правда, работа в отделении не особо отличалась от прежней работы: те же бумажки, только попроще и позамызганнее, граждане куда более буйные.

К тому же и руководство как будто состояло в родстве с Беленьким. Капитан милиции, а туда же: «отчетики», «сопроводиловки», «рапорта», а о важном и подумать некогда. Гоняли его туда-сюда с бумажками, сажали, как медведя на цепь, на приемы, а туда, как нарочно, заявлялись самые вредные, а то и союзного значения пенсионеры. Выслушивая в сотый раз страшные истории о том, что кто-то из соседей,

желая завладеть жилплощадью, пускает под дверь хлорпикрин или прибивает тапки к полу, Саша иногда позволял себе приступы саможальности.

Чуткая мама, уловив момент, то и дело заводила разговор о том, не вернуться ли в юрконсультацию. Сын, гордясь характером и выдержкой, лишь хмыкал. Когда же Вера Владимировна начинала робко пенять ему за упрямство, пускал в ход самую страшную угрозу:

— Будешь настаивать — уйду в фотоателье!

Мама испуганно стихала. Это была страшная семейная «тайна». Папой, которого Саша ни разу не видел, имени которого не ведал (в соответствующей графе свидетельства о рождении стоял прочерк), был некий фотограф с далекой курортной набережной. Потому-то у Саши, в целом похожего на маму, посреди впалых щек имел место выдающийся, редкий в наших широтах длинный горбатый нос, а безукоризненно светлые волосы вились мелким южным бесом.

Вера Владимировна, до смешного честнейшая женщина, никак не могла соврать, что на самом деле его отец — какой-нибудь герой-летчик, погибший при испытаниях, тотчас вслед за Гагариным. И проговорила, когда школьный химик, энтузиаст фотографии, открывший кружок, восторгался: как это ваш сын, Вера Владимировна, все формулы,

составы и пропорции схватывает на лету, точно не узнает, а вспоминает?

Так Саша выяснил, что папа, оказывается, у него все-таки имеется, даже его профессию он узнал. Мама наотрез отказывалась говорить и о причинах развода, и о самом отце. Однако в Сашиной повседневной жизни это ничего не изменило, были проблемы поважнее. Да и Вера Владимировна то и дело пыталась подвести неутешительные итоги.

Как-то за вечерним семейным чаем начала так:

— Шурик, вот с Ниночкой ты расстался.

— Она со мной рассталась, — сварливо поправил он.

— Так ведь потому, что ты решил не возвращаться в юрконсультацию, верно? — И уточнила на всякий случай: — Ты в самом деле решил не возвращаться?

— Я решил. Окончательно.

— Хорошо. При этом на Арбате, где ты прошел последнюю практику, тебя тоже не ждут. Михаил Семенович звонил, извинялся.

Снова Чередников горько скривился: что ж поделать, не понимают товарищи своего счастья, не хотят растить кадры, подавай готовенькие.

— И что ж в итоге? Куда теперь? — горестно спросила мама. — Ты так хорошо учился, всего-то одна троечка!

ЗОЛОТОЕ ПЕПЕЛИЩЕ

— Ничего, не пропаду, — мужественно пообещал Саша, ощущая противное посасывание под ложечкой, ибо уверенности в этом заявлении не было никакой.

— Скажи, пожалуйста, а вот нотариусом...

— Мама, все! — Шурик даже хлопнул по скатерти.

Вера Владимировна подняла брови. Сын засмутился. Однако про себя твердо решил: все, никакого блата.

* * *

Вот потому-то все складывалось отлично, хуже некуда. Хорошо хотя бы не за Урал — раскрывать похищения клубных аккордеонов и кражи в поселковых магазинах или выяснять внутренние мотивы мордобоев шабашников-лесосплавщиков. И все-таки участковым отправили без одной тройки отличника Чередникова в эти самые Морозки, медвежий угол, утыканный яблонево-вишневыми садами и дачами, населенными гражданами различной степени значительности.

В целом жаловаться было не на что. Места здесь красивые, сам поселок расположен на берегу очаровательного залива, образовавшегося от постройки водохранилища, посреди которого к тому же имел место быть замечательный остров, поросший ивняком, на который так и тянуло махнуть, взяв лодочку да удочки. Кругом леса, фашистов так и не

повидавшие, и потому чистые, нетронутые, сплошные светлые сосны, черничники, земляничники. Птички в ивняках распевают оптимистичные композиции.

К тому же, поскольку до места прописки новому участковому ехать не менее чем полдня в один конец — прямой электрички нет, — Шурику в качестве служебной площади выделили целый флигель с отдельным входом, причем непосредственно в отделении милиции.

Отделение, как же.

Позорище. Таких, поди, и за Уралом нет. То ли курятник, то ли конюшня, то ли вообще лабаз с прорубленными окошками — это неизвестно. Ясно одно: срублена эта дурацкая изба из самого бросового материала, причем еще до войны, скорее всего, и Первой мировой, сильно пострадавшая в Гражданскую и недобитая в Великую Отечественную. Перед прибытием нового сотрудника ее наспех подконопатели, выгнали пауков и мышей и между рамами напихали свежей ваты. Кровать вот эту приволокли, с панцирной сеткой, снабдили подушками, накинули расшитое покрывало поверх злющего колючего одеяла, на самую холодную стену натянули коврик с павлинами — и на этом успокоились.

Самый большой враг Шурика не обвинит его в избалованности, но все-таки: изо всех углов дует, по ногам тянет сыростью так, что без валенок не ступишь, и пауки, которых вроде бы